

И.В. Фотиева

Проблемы построения метаэтической теории

Этика всегда была выделена в системе философского знания. Ее специфика заключалась прежде всего в том, что философско-теоретический и нормативный аспекты этики тесно взаимосвязаны: «философско-мировоззренческие ориентации этики не являются нравственно нейтральными, они содержат в себе ценностные значения... задают этике нормативные перспективы» [1, с. 20].

С этим связана и трудность определения предметной области этики. На нее указывают многие философы; в особенности эта проблема звучала в XX в. в связи с тенденцией формализации этического и в целом философского знания, построения его по образцу естественных дисциплин. Сейчас можно сказать, что эта тенденция во многом изжила себя, но проблема определения предмета этики, систематизации, структурирования ее материала не теряет своей актуальности. Так, авторы статьи «О систематизации этического знания» пишут об «огромном и разнородном «этическом хозяйстве», где отсутствует не только единство в ответах на некоторые фундаментальные вопросы, но и в самой постановке этих вопросов и даже в понимании объекта этики («что такое мораль») и ее предмета («что такое этика, чем она занимается»)» [2, с. 64–65]. В статье рассматриваются различные определения предмета этики: этика – это то, чем традиционно занимаются этики, т.е. то, что принято называть этикой в контексте европейской (или европоцентристской) культуры, – определение, указывающее на эмпирический объект этики и нуждающееся в дальнейшем теоретическом осмыслении; этика – наука о морали – определение, слабость которого связана с тем, что большая часть этических построений не является наукой в традиционном понимании; этика – это сфера рассуждений «на темы» морали и пр. Все эти определения, по мнению авторов, не помогают преодолеть свойственный этике синкретизм. Авторы предлагают свой подход к первоначальной систематизации этического знания, основанный на разделении ценностных (нормативно-оценочных) и когнитивных элементов, и на этой базе выделяют две этики – нормативную и теорети-

ческую, более четко разделяя их предмет и функции.

При этом задается вопрос о том, можно ли вообще этику рассматривать как органическое, а не аддитивное целое, простую совокупность разных видов духовной деятельности. За этим видится другой принципиальный вопрос: можно ли считать саму мораль, включая все интуитивно объединяемые смыслы и интерпретации этого термина, действительно единым и целостным феноменом, имеющим некое ядро или основу. А.А. Гусейнов и соавторы рассуждают в этом же направлении: «Можно было бы с целью выяснения предметной области этики сослаться на присущий каждому человеку опыт внутренних переживаний, выражаемый в понятии совести, или на оценочное отношение к миру, формируемое в понятиях добра и зла. Однако достаточно подойти к вопросу с критериями самой элементарной строгости, чтобы обнаружить: мы не можем сказать, что скрыто за этими терминами, не можем каким-либо иным способом (помимо самих этих терминов) зафиксировать обозначаемую им реальность. ... На предмет этики нельзя указать пальцем» [3, с. 5]. В то же время понятие морали определяется как философская абстракция, подразумевающая и охватывающая все богатое содержание реальной нравственности, выявляющая идеально-всеобщее в многообразных нравственных отношениях, из чего можно сделать вывод, что авторы все же видят мораль как некий целостный, хоть и многогранный, феномен. Но даже краткое перечисление ее основных граней вновь наводит на мысль о том, что, ощущая эту целостность интуитивно, мы пока мало способны ее обосновать. «Нравственность можно трактовать и как человеческую добродетель, и как область духа, сознания, и в качестве резидента трансцендентальных сущностей, как некоторое усилие особым образом направленной воли, и как область общественно значимого и необходимого поведения, и как совокупность норм и требований, и как область универсальных суждений, и как феномен, ответственный за целеполагание в истории и в отдельно взятой человеческой жизни, а также как идеологию или мировоз-

зрение либо особую мотивацию поступков, как способ существования человечности (гуманности), как применение языка» [3, с. 291]. Таким образом, все же правомерно поставить как теоретическую проблему вопрос о том, не достигается ли чаще всего целостное теоретическое восприятие феномена морали в разных этических концепциях за счет того, что многие грани и проблемы исключаются из рассмотрения, или, иначе, обладает ли внутренним единством не только этическое знание, но и сама мораль, и если да, то что составляет базис этого единства.

С практической точки зрения это важно потому, что этика всегда считалась наиболее «жизненной» областью философии. На это указывает даже ее терминология: основные понятия этики «добро», «долг», «счастье», «совесть» и прочие являются в то же время понятиями обыденного языка, включены в более широкий культурно-исторический контекст, чем моральный. И вопросы о том, что такое мораль вообще, какие из ее смыслов действительно жизненно важны и, возможно, вечны, а какие умирают вместе с каждой эпохой; имеют ли ее санкции объективную природу; почему человек должен следовать моральным нормам; есть ли в моральных кодексах нечто общее, независимое от исторического контекста, и если да, то в чем оно состоит; как оценить сами моральные нормы и каковы критерии их оценки; как непротиворечиво связать между собой различные моральные проблемы и их решения и т.д., всегда были не прихотью «праздного ума», а жизненной необходимостью.

Эта необходимость в особенности ощущается в переломные моменты истории, когда традиции во многом теряют свою силу и возникает нравственный хаос, чреватый самыми серьезными последствиями. XX в. в целом можно с уверенностью отнести к таким переломным моментам истории. Человечество, как подчеркивают авторы самых разных работ, как никогда ранее стоит на распутье (иногда этот тезис усиливается – на трагическом изломе) своего пути. Все больше возникает вопросов, не разрешимых ни в рамках узкоморальных представлений той или иной традиции, ни, тем более, без применения моральных критериев. Достаточно вспомнить проблемы биоэтики, дискуссии об узаконивании наркотиков, проституции (а в некоторых странах это уже, как известно, свершившийся факт), сексуальных патологий (безоценочно называемых сейчас «нетрадиционными ориентациями»), экологического кризиса, терроризма и др., чтобы

прийти к выводу об особой важности рефлексии на темы морали в нашу эпоху и необходимости выхода этики на новую ступень развития, связанную именно с попыткой осмысления ее как действительно целостного явления, нахождения новых взаимосвязей ее аспектов, традиционно лежащих в разных плоскостях, решения на принципиально ином уровне ее основных вопросов. На наш взгляд, имеется достаточно оснований, чтобы надеяться на успешность такой попытки. Прежде всего, даже сам факт постоянного переплетения в истории этики ее нормативной и теоретической части, ценностных установок и рефлексии на тему морали можно рассматривать как свидетельство их внутренней связанности, а не синкретического смешения. Попытки выделить в этике только научную часть лишь усилили интерес к ее практической стороне, к реальным моральным проблемам, как подчеркивает Л.В. Коновалова: «За последние 10–20 лет в западной этической науке произошли кардинальные изменения. Свойственный ей в недавнем прошлом метаэтический характер, с присутствием метаэтике признаками: принципиальным противопоставлением себя нормативной этике, ценностной, а значит, идеологической и политической, нейтральностью, увлеченностью абстрактным анализом этических терминов ... намеренным уходом от обыденной моральной повседневности ... как-то незаметно, исподволь, вдруг сменился прямо противоположными установками... Ориентация на абстрактную теорию морали сменилась интересом к прикладным областям этики» [4, с. 200].

С другой стороны, то, что мораль, начиная с XIX столетия, становится объектом внимания и интереса естественнонаучных дисциплин, и этот интерес, стимулируемый буквально лавиной открытий (в особенности, в физике), не снижается, несмотря на непрерывные упреки в редукционизме со стороны профессиональных философов-этиков, также наводит на мысль о том, что теория морали стоит на пороге нового этапа. За непрекращающимся стремлением найти природно-объективный источник морали в таких направлениях, как эволюционная этика или социобиология, по-видимому, кроется не просто излишняя самоуверенность ученых-естественников, вторгающихся в чуждую им область, а нечто более значимое.

Далее, рассматривая даже в первом и схематичном приближении основные направления и проблемы этической мысли, трудно не увидеть их внутреннюю связанность. Даже в типичных этических альтернативах различные

выборы не противоречат друг другу, а взаимодополняются; акцент на каком-то из них у того или иного автора далеко не всегда означал отрицание противоположного. Например, можно ли жестко противопоставлять личное совершенствование и упорядочение общественной жизни? Практика показывает, что это две грани единого процесса: нравственно развитые личности, безусловно, сформировали бы общество гораздо более высокого порядка, и напротив, гармоничное общество как ничто способствовало бы воспитанию высокого морального уровня его членов. Альтернатива «разум или чувство» как источник нравственности также в достаточной мере исчерпала себя, даже если обратиться только к исследованиям современной психологии; этический абсолютизм и релятивизм также совсем не обязательно противостоят друг другу в этических учениях и т.д.

С осмыслением статуса этики связан еще один вопрос: можно ли все-таки этику (подчеркнем: как целостную область знаний) считать наукой? В конце XIX–XX вв., как известно, существовала тенденция отвечать на этот вопрос отрицательно: в науке в ее традиционном понимании субъект и объект познания должны быть строго разделены, чего нельзя сделать при изучении морали; в рамках, например, позитивистско-аналитической традиции было подчеркнуто, что моральные суждения (суждения о ценностях) не могут быть выведены из суждений о фактах, а значит, нет оснований для предпочтения одних моральных суждений другим; наука интерсубъективна, едина для всех, а этические концепции очень отличаются друг от друга. Именно исходя из этих тезисов и были предприняты попытки вычленив из этики «научную» составляющую, которые привели фактически к утере ее предмета и живого многообразия.

Сейчас же эти традиционные аргументы все более перестают восприниматься как бесспорные. Во-первых, как известно, в XX в. вера в безусловную легитимность научных выводов не только пошатнулась, но и сменилась другой, не менее крайней «верой», породив целое направление антисциентизма. Во-вторых, как указывают авторы, занимающиеся проблемами сознания, не только нравственность, но и само сознание невозможно объективировать (см. [5]); таким образом, огромный спектр дисциплин придется вывести из разряда научных. Антисциентистская тенденция связана с другой, имеющей, на наш взгляд, принципиальное значение: с переосмыслением самого понятия рациональности, с приданием ему более

широкого смысла (иногда, на наш взгляд, неоправданно широкого) и с начинающимся серьезным осмыслением возможности разных форм постижения бытия. В этом контексте самого серьезного внимания заслуживают вопросы, связанные со спецификой морального познания и морального сознания.

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Характерной особенностью европейской этики является крайняя разнородность этических концепций, направлений, школ, подходов, концентрации на различных ее аспектах. Эта тенденция связана и с общей дифференциацией знания, достигшей своего предела в XIX–XX вв. Но параллельно этому нарастает тенденция к синтезу, как междисциплинарному, так и «межотраслевому», попытки найти общие основания философии и науки, науки и религии, строить нео-натурфилософские концепции, охватывающие весь массив основных эмпирических знаний, выявленных принципов мироустройства (прежде всего, в естественных науках), их философских обобщений. Та же тенденция в первой половине XX в. начала утверждаться и в этике, в появлении таких учений, как русский космизм, «Живая этика», учение Тейяра де Шардена и др.

Эта тенденция, по нашему мнению, является совершенно закономерной и отражает диалектический процесс эволюции познания, смену периода дифференциации новой интеграцией, синтезом различных областей человеческой культуры. Поэтому можно считать обоснованными попытки найти основания и для обобщения массива этических знаний на новом уровне, ведущем в перспективе к построению «метаэтической» концепции морали – не в том смысле, какой придают этому термину авторы вышеупомянутой статьи (понимающие под метаэтикой область теоретических исследований, объектом которых является этика, а не мораль), а именно в смысле синтетической этической концепции, включающей различные интерпретации самой морали в качестве граней единой целостности и рассматривающей разные этические концепции и направления как взаимодополняющие.

Конечно, в таком подходе имеется определенная опасность. Подобные глобальные построения вызывают подозрение в претензии на законченность, завершенность, всеохватность, а значит – в «подгонке» фактов и выводов под заранее принятую схему; редукции одних понятий и неоправданном обобщении других. И действительно, такие искушения могут возникать при стремлении как-то совместить в

одной концепции понятия и грани, традиционно считавшиеся несовместимыми, и автору, все же решающемуся на такую попытку, необходимо особо тщательно проверять свои построения. Но, с другой стороны, элемент чрезмерных обобщений, даже появившись, естественно снимется впоследствии к критике и в дальнейшем развитии теории; поэтому не стоит слишком его пугаться. Во всяком случае, хочется еще раз повторить, что этап синтеза, обобщения накопленного материала (к которому в этике относятся и сами концепции морали) закономерен, и в свою очередь, видимо, когда-то сменится новым этапом дифференциации и анализа уже новых, более сложных этических проблем.

Поэтому, видимо, несмотря на всю сложность моральной проблематики, правомерны попытки превратить конгломерат этических знаний в пусть и крайне сложную, но систе-

му. И путь к этому лежит, по нашему мнению, не столько через внешнюю структуризацию этики, сколько через выявление тех предельных оснований, которые могут лежать в основе морали. Необходимо обратиться к опыту великих предшественников и попытаться синтезировать выявленные ими аспекты морали именно как грани живого, целостного и единого в своем многообразии феномена; феномена многоуровневого, имеющего корни не только в биологической природе человека, но и, возможно, глубже, и в то же время никоим образом не сводимого к этим истокам. Любое продвижение в решении этой задачи имело бы не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение в условиях современного этического «плюрализма», грозящего уже не только социальному, но и биологическому существованию человеческого рода.

Литература

1. Гусейнов А.А. Введение в этику М., 1985.
2. Апресян Р.Г., Артемьева О.В., Максимов Л.В. О систематизации этического знания // *Философские науки*. 1997. №1.
3. *Этика: Учебник*. М., 1999.
4. Коновалова Л.В. Критика методологии современной буржуазной этики в решении проблем морального сознания и поведения // *Мораль: сознание и поведение*. М., 1986.
5. Иванов А.В. *Мир сознания*. Барнаул, 2000.